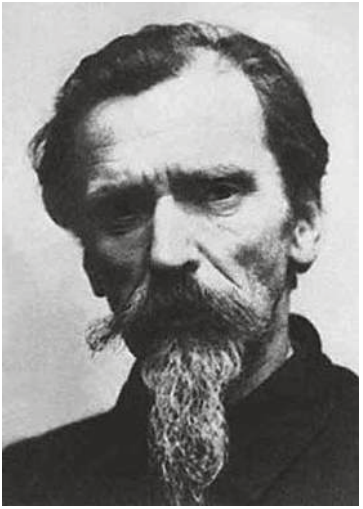
1924 год. Подмосковный санаторий. Настоянный на хвое воздух, врачующий больных туберкулёзом. По заснеженным аллеям прогуливаются Анастасия Ивановна Цветаева и её галантный кавалер, интересный собеседник. В недавнем прошлом известный писатель. Увы, всё забывается, даже такие люди. Забыт и он...

Иван Сергеевич Рукавишников (1877 Нижний Новгород – 1930) входил в плеяду поэтов-символистов Серебряного века. Блистательная эпоха в истории русской культуры: 1890-е годы – начало 1920-х. Достойное продолжение пушкинского «золотого века». Выражение «Серебряный век» ввели в обиход в 1929 году поэт И. Оцуп и философ Н. Бердяев. Пора буйного цветения всяких «измов» в литературе и искусстве. Одним из ведущих течений, помимо акмеизма, имажинизма, футуризма, являлся символизм. Направление, возникшее в европейской и русской поэзии на рубеже XX столетия. Суть его – в художественном выражении идей символами. А они зачастую находятся за пределами чувственного восприятия.

Русский символизм обозначил в 1892 году Д. Мережковский. Мистика, символы, художественная впечатлительность – вот основы этого направления. В 1894 году вышел сборник с программным названием «Русские символисты». В первых сборниках поэтов-символистов предпочтение отдавалось В. Брюсову. «Лелеять

слово, оживлять слова забытые, но выразительные, создавать новые для новых понятий, заботиться о гармоничном сочетании слов, работать над развитием словаря и синтаксиса» – этому завету Валерия Яковлевича неукоснительно следовал Иван Рукавишников.



На русском символизме сказалось влияние французских поэтов Верлена и Рембо. В нём слышны отголоски философии Ницше и Шопенгауэра. Однако наши поэты освежались истоками русской поэзии – Тютчева, Фета. Фофанова. Русский символизм отличался духовностью, разнообразием голосов. Необычность его вызывала насмешки современников. Символистам приклеивались ярлыки декадентов за упадничество, безнадёжность, неприятие жизни, индивидуализм. Да, мотивы тоски и подавленности были свойственны ранним стихам Бальмонта. Творчество Мережковского, Гиппиус, Сологуба, Минского, Рукавишникова было связано с богоискательством. Приверженцами религиозно-философского понимания мира, обоснованного В. Соловьёвым, стали А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов. Искусство для них – средство преобразования мира земного, грубого, низшего; помогает достичь идеалов, приобщиться к царству души. Это поиск тайного смысла – в реальности. Потому в поэтических строках – сакральность, зашифрованность. Метафоричность символизма настолько необычна, что порой слова теряют смысл: «Она была живой костёр // Из снега и вина» (А. Блок).

Поэзия Ивана Рукавишникова – таинственна, тревожна, но в ней свет надежды в человеческих блужданиях.

«С гор спустилась. / Заблудилась. / Как пройти? Как пройти?»

Созвучное у Ф. Сологуба:

«В поле не видно ни зги. / Кто-то зовёт: «Помоги!..»

В смятении покаяние странствующей души из стихотворения Рукавишникова «Песнь в долине»:

Тьма нас любит. / Бог не любит. /
Гонит прочь. / Гонит прочь. /
Небо, горы. / Божьи взоры…

С «Божьими взорами» пагубная безысходность, ведущая в небытие, преодолевается.

Маятник мой, / Свидетель жизни. /
Украшенный жемчугом / Маятник мой. /
Он говорит мне: / Уйдёшь из жизни. /
А я говорю ему: / Жизнь везде.

«Жизнь везде» – и за пределами земного бытия. На земле она – с неизбывной светлой печалью. А как же без траурной поволоки поэту-символисту?

Белые колонны. Аллея тенистая.
Над рекой сверкающий глинистый обрыв.
Там живёт и плачет мечта моя чистая,
Бродит, очи синие трауром покрыв.

Картина из юности поэта: отцовский дворец на волжском Откосе, юношеские грёзы... Живописно, зримо, чувственно! А недоброжелатели брюзжали: несостоятелен, де, как поэт. Да, в первые его поэтические книги угодили критические стрелы В. Брюсова, Н. Гумилёва, В. Шершеневича. Как же без критики возрастать поэту?

Будучи в конце 1890-х в Петербурге, Иван Рукавишников по праву входил в литературный круг В. Короленко, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, М. Цветаевой. А. Блок приглашал его участвовать в литературных вечерах. В год создания Всероссийского союза поэтов в 1918 году стал его членом.

Жанровая «палитра» творчества Рукавишникова весьма насыщена: стихотворения разных форм и ритмов, поэмы, сказы, переводы, рассказы, повести, пьесы, романы, каллиграммы, триолеты, статьи. Зачастую во всём этом разнообразии видны признаки некоей увлекательной творческой игры. С юношеских лет Рукавишников стремился к этой свежести.

Из подвалов мёртвой осторожности,
Где змеятся чахлые ростки,
В башню, в башню радостной тревожности…
С высоты узнать, как над болотами
Сонно пляшут белые пары,

Как седая жизнь томит дремотами,
Как тоска скрипит воротами,
Посмеяться / И умчаться
В чуждый мир иной игры.

И он умчался. Из отцовского дворца, где родился и вырос.

Рукавишниковы... На Руси издревле многие семьи назывались по ремеслу: Кузнецовы, Плотниковы, Гончаровы, Бондаревы... В русские морозы нельзя обойтись без одёжки для рук. Рукавицы, они же вареги, варежки, голицы, изготавливались из кожи, вязались из шерсти. Мохнатки выворачивались мехом наружу. «Работящие» рукавицы быстро изнашивались – всё работа для рукавишников! Всё прибыль! Изделия их ценились: «Ныне молочко-то в рукавичках щеголяет», – сокрушались слободские о подорожании молока. Купцы били по рукам, заключив сделку: «Дело наше хоть в рукавицы обуй!». Рос капиталец рукавишников. Не довольствовались они более шитьём рукавиц. Требовалось дело посолиднее – с купеческим размахом!

В 1474 году на месторождении соли в Нижегородье возник посад Балахна. Здесь обосновалась семья Рукавишниковых. Соль они не добывали, варницами не владели. Открыли лавки по продаже соли. К концу XVIII века солеторговцев развелось столько, что наиболее зрелая ветвь Рукавишниковых отпочковалась от корневого древа и перебралась в Нижний Новгород.

Основатель нижегородской купеческой династии Рукавишниковых Григорий Михайлович торговал железом. Разжился, и в 1822 году его завод начал выпускать сталь.

Михаил Григорьевич унаследовал от отца трудолюбие, деловую хватку, на работе не терпел нерадивых. Кратно увеличил производство стали, которая поставлялась в другие губернии и в Персию. Создал торгово-промышленную империю. Владельцы уральских горных заводов князья Голицыны и Строгановы предпочитали иметь дело только с Рукавишниковым, «железным стариком», как его звали нижегородцы. Девиз Михаила Григорьевича звучал по-христиански: «Жертвую и попечительствую!». Он ежегодно вносил средства для Общества попечения о тюрьмах, для женской гимназии.

После его кончины в 1874 году дети образовали компанию «Наследники М.Г. Рукавишникова». Возглавил её Иван Михайлович, член совета Нижегородского купеческого банка, гласный городской думы, действительный член Общества поощрения образования. Он выделил средства для строительства исправительной колонии для малолетних преступников и на возведение церкви Святого великого князя Михаила Черниговского. Варвара Михайловна Бурмистрова (урождённая Рукавишникова) была почётной попечительницей городского приюта, членом Общества вспоможения бедным. Собрала коллекцию картин, которую передала художественному музею. Владимир Михайлович являлся почётным членом совета Кулибинского ремесленного училища, открыл музыкальную школу. Митрофан Михайлович был председателем совета Братства святых Кирилла и Мефодия, учреждённого для воспомоществования бедным ученикам гимназии. Он финансировал строительство здания Братства, домовой церкви при нём, а также больницы общества Красного Креста. В 1894 году вместе с братьями построил Дом трудолюбия для занятия трудом бесприютных бедных и нищих, а также по просьбе П.П. Кащенко лечебницу для душевнобольных. Собрал коллекцию картин Васнецова, Крамского, Айвазовского, Куинджи, которые были переданы в музей.

Сергей Михайлович Рукавишников в 1877 году построил великолепное здание; в 1918 году в нём обосновался художественно-исторический музей. С 2010 года – филиал Нижегородского историко-архитектурного музея-заповедника «Усадьба Рукавишниковых». По инициативе С.М. Рукавишникова построен торгово-промышленный комплекс с банковскими конторами по проекту известного архитектора Ф. Шехтеля. Главный вход банка украшали скульптуры рабочего и крестьянки (прообразы «Рабочего и колхозницы» В. Мухиной). Они символизировали союз про-

мышленности и земледелия. Изваял их выдающийся скульптор С. Конёнков.

От заработанных миллионов немалую долю Рукавишниковы выделяли на благотворительность. Эта династия по праву заслужила славу самых щедрых нижегородских меценатов. Местное купечество настолько укрепило экономическую мощь родного города, что Нижний Новгород с его знаменитой ярмаркой называли «карманом России», третьей столицей. А иные подумывали возвеличить и до первой. Российское купечество славилось добродеяниями: помогало неимущим, сиротам, болезным. Меценатством поддерживало русскую культуру, искусство, образование. Вот нравственный пример для нынешних нуворишей. Благочестие, добродетель, душевность, человечность – корневые произрастания русской совести. Не грызёт она теперешних толстосумов – зубы обламывает об их окаменелые сердца.

Некоторых потомков купеческого рода Рукавишниковых предпринимательская стезя не прельстила. У сыновей Сергея Михайловича Ивана и Митрофана обнаружилась тяга к искусству. И немудрено! В 1877-м, в год рождения первенца, отец снял леса с возведённого особняка – дворца в стиле итальянского палаццо. Фасад украшен лепниной, атланты держат балкон, между окнами красуются кариатиды. Парадная мраморная лестница; бальный зал с подиумом для оркестра, с огромными окнами и зеркалами, с росписями; повсюду гобелены, картины, скульптуры. Вот в таком дворце блистательной архитектуры, среди произведений искусства росли отроки Иван и Митрофан. Здесь прививался им художественный вкус. Ныне же проводятся музыкальные вечера с участием симфонического оркестра Нижегородской филармонии имени М. Ростроповича, играют музыканты с мировым именем, блистают губернаторские балы.

Братья потянулись к искусству. Старший, Иван, семь лет занимался живописью в художественной школе художника – фотографа А.О. Карелина. Однако затем увлёкся историей, уехал в Петербург и окончил археологический институт. Митрофан был на десять лет младше Ивана, но твёрже в выборе творческого пути. Набравшись мастерства в частных студиях Рима и Москвы, стал скульптором. Отпрыск купеческого рода Рукавишниковых – основатель скульптурной династии. Его сын Иулиан, народный художник СССР, – автор памятников А.П. Чехову, И.В. Курчатову, А.В. Щусеву. Иулиан Митрофанович с сыном Александром, народным художником России, создали памятник выдающемуся

лётчику Петру Николаевичу Нестерову, установленный в 1987 году на его родине в Нижнем Новгороде. Александр Иулианович с сыном Филиппом изваяли памятник писателю В.В. Набокову. Последние годы жизни Набоков провёл в Монтре (Швейцария). В честь 100-летия со дня рождения писателя в 1999 году в этом городе установили памятник.

Мензелинский[2] купец Василий Никитич Рукавишников в 1855 году перебрался в Москву. Стал совладельцем горных заводов в Пермской губернии и одним из учредителей Московского купеческого банка. Можно предположить, что московские и нижегородские Рукавишниковы (связанные не родством, а ремеслом по шитью рукавиц) общались между собой на предпринимательском и банковском поприще.

Сыновья Василия Никитича – Иван, Николай, Константин – возвысили купеческий род до дворянского. Дочь Ивана Васильевича Елена вышла замуж за известного политического деятеля В.Д. Набокова. У них родился сын Владимир, будущий писатель. Ему (Рукавишникову – Набокову) и посвятили памятник А. и Ф. Рукавишниковы. В 1993 году в Академии художеств состоялась выставка «Три поколения скульпторов Рукавишниковых». В июле 2017-го Александр Иулианович привёз в город своих предков выставку, на которой были представлены скульптуры, живопись, графика. Так в творческом направлении продолжается добрая слава купеческого рода.

Творческие деяния Ивана Рукавишникова оказались не столь безупречны. Первые его стихи появились в 1896-м в «Нижегородском листке», затем в других газетах Поволжья. Молодого стихотворца пригласил к себе Горький. Поругивая стихи, склонил к прозе. Предложил «Журналу для всех» его рассказ. Вместе с Короленко поддерживал начинающего прозаика, одобрил повесть «Семя, поклёванное птицами» (1896). В 1901 году Рукавишников окончил Санкт-Петербургский археологический институт. Путешествовал на Востоке, в Европе («Париж пленён чарльстоном и туманом»). Лечился в европейских санаториях от туберкулёза. Ещё в Нижнем Новгороде из-за болезни часто прерывал учёбу в Дворянском институте. В стенах этого привилегированного заведения купеческий сын сполна ощутил на себе неприязнь и даже вражду. В среде же более низких сословий слышал заспинное шушуканье и шипение: «А это тот, у кого

[2] Мензелинск – город (с 1781) в России, административный центр Мензелинского района Татарстана. *Прим. ред.*

дед!.. А это тот, у кого отец!.. А это тот, у кого дворец!..» Вот и терзания молодого Ивана!

Тени и сполохи этого душевного смятения сказались на стихах декадентского толка, модных в то время. Их печатают петербургские газеты и журналы. Отпрыск влиятельной купеческой династии, наследник миллионного состояния восторженно встретил революцию 1905 года риторическими стихами: «Кто за нас – иди за нами!». Путаясь в политической неразберихе, поэт сотрудничал с эсерами. Движимый революционным духом справедливости, написал роман «Проклятый род» и в 1911 году предложил его журналу «Современный мир». «В саду моей юности росли золотые яблоки», – когда-то о благодатной поре в отцовской усадьбе сердечно отозвался он. И вот, презрев поучительную ветхозаветную притчевую историю о Ное и его сыновьях Иафете, Симе и Хаме, написал трилогию о неприглядной жизни своего рода без «золотых яблок». Христианские добродетели купечества общеизвестны. Но не праведники же они. Грешны, как и прочие. Подчас деньги властвуют над ними, толкая к пороку, к греху. Но не до такой же степени порочен купеческий род «железного старика», чтобы назвать его «проклятым»! Читатели роман не приняли и потребовали прекратить его печатать в журнале.

И только петербургское издательство «Освобождение» в 1912-м решилось выпустить роман полностью, включив третью часть «На путях смерти». К. Чуковский подверг его критике: “Ужли и вправду в Нижнем все купцы только тем и заняты, что предаются смертному трепету? Десятки раз употребляется определение «чёрный»: «чёрная дыра отчаяния», «чёрное крыло птицы страха», «чёрная пустота»...”. Отмечая неврастеничность образов, Корней Иванович отметил и психологизм в их изображении. Подчеркнул, что «роман о современном купечестве заполняет пробел в познании нашей Родины». М. Куприна-Иорданская, работавшая в «Современном мире», сокрушалась, что роман слишком долго тянется, однако талантлив при всей его сумбурности.

В центре романа история трёх поколений купеческого рода. Писатель ярко живописует уклад их жизни, психологические характеры членов семьи «железного старика». Манера повествования необычна. Смешение многих жанров: ритмическая проза, символистские стихотворения в прозе, плач причитальный, народный эпос, сказовость. А как живы разговорная речь и диалоги!

Рукавишников в совершенстве владеет искусством художественного письма. И оно для искушённого читателя. Вот почил Макар, «железный старик»:

«Потекли торжественно гудящие и звенящие часы — дни отпевания, перенесения, отдания земле.

И часы эти были так кратки и легки, как миги, то тяжелы и тягучи, как скучные годы.

Новые шумы и новая тишина. Новые люди и новые думы.

Нарушился чин крепкого кирпичного дома. И по-новому звенело солнце по стёклам фасадных окон. И по-новому шуршала ночь в мебели и в обоях чутко неспящих комнат».

«Новый человек», поэт-декадент Виктор из Макарова рода, возвращается из странствий по Востоку: «Из Индии далёкой, из Индии великой плыл корабль большой, многолюдный...». Волны Средиземного моря являют ему «...чёрных, проворных мордастых дельфинов, за долгие века уставших быть загадочными».

Н. Гумилёв же, «восточный путешественник», Рукавишникова ещё и поругивал когда-то. «Скука серебряной мухой в дому звенит. Лето давно. Волгу могучие пароходы баламутят... Барки черны, мачты на них высокие. Беляны белые, весёлые. Коноводки брюхастые, тихоходные. Плоты сплавные, бесшабашные...»

Смею назвать роман «Проклятый род» поэмой. Социальные язвы в нём как бы врачуются поэтическим духом. Переизданный в Нижнем Новгороде в 1999-м роман переживает второе рождение. Для современных читателей, которые чтят русское слово, историю России, – это подлинное открытие! Среди произведений о купечестве, губернской провинции А.Н. Островского, П.И. Мельникова-Печерского, Б.Д. Боборыкина, В.Г. Короленко, М. Горького роман И.С. Рукавишникова «Проклятый род» занимает достойное место.

Ранняя поэзия Рукавишникова полна неясных, мистических предчувствий, мечтаний о неземной любви. Но волжский ветер освежал мрачноватое подчас томление духа.

Весною тянет на простор / Из тесных городов, /
Туда, где ты, весна, ковёр / Соткала из цветов. /

Туда, где солнце, поле, лес, /
Где необъятен свод небес, /
Туда, где ты царишь, /
Где ласковая тишь.

Как «созвучен» стихотворению «Весна! Чудесная весна!..» облик поэта, нарисованный Э. Шуб: «Высокий, худой, с узкой,

клином, русской бородкой, с русыми волосами и светлыми глазами, мечтательный, с доброй улыбкой. В нём одновременно было что-то иконописное и схожее с Дон Кихотом. Он был очень скромен в одежде, ограничен в пище. Любил деревню, волжскую природу, русскую песню, старинную одежду». Эсфирь Ильинична Шуб, кинорежиссёр-документалист, личный секретарь В. Мейерхольда, работала с Иваном Сергеевичем в Наркомпросе.

Иное впечатление произвёл Рукавишников на В. Ходасевича. Туго пришлось пишущей братии после революции. В полуподвальной комнатухе бедствовал Ходасевич с женой Анной Чулковой. Без Нюты, как вспоминала Надежда Мандельштам, он бы не выжил. Она добывала пайки, топила печурку, мыла больного мужа. А так мечталось о счастливой жизни, нарисованной Чернышевским в четвёртом сне Веры Павловны! Доведённые до отчаяния, В. Ходасевич, А. Белый, Б. Пастернак, Г. Чулков пошли к А. Луначарскому в Кремль. Выслушав ходоков, нарком просвещения никакой помощи не обещал, сославшись на пословицу: «Лес рубят, щепки летят». И призвал создавать «только подходящую литературу». Вместе с ним находился Рукавишников, он работал в ту пору в Наркомпросе. Роман «Проклятый род» вызвал разные толки, до неприятия. Теоретик искусства увидел в произведении художественную, историческую и социальную ценность. И вот в «приближённом» положении романист, выпивший, воспроизвёл Чернышевского о дворце из стекла, мрамора и алюминия. И добавил своё: чтобы у всех писателей были комнаты, одежда, питание; чтобы они могли пользоваться библиотекой. Родившийся во дворце, отрёкшийся от «дворцовства», Иван Сергеевич взывал к вождю культуры о достойной жизни поэтов. Он просил за них! А потом основал Дворец искусств.

Разобиженный Владислав Фелицианович углядел только, что Рукавишников, бездарный, свой в Кремле, и пьян. Сочувствовал поэту при таких категоричных отзывах Николай Минаев:

Ты долго пел, а это подвиг – петь,
Когда вокруг и слушать не желают.

Поэт не только «пел». В родном Нижнем Новгороде вместе с братом Митрофаном занимался обустройством художественно-исторического музея в отцовском доме. В 1918 году Наркомпрос забрал в своё ведение дворец графини Е.Ф. Соллогуб. По инициативе Рукавишникова его обустроили во Дворец искусств (ныне Центральный дом литераторов), который он и возглавил. Часть

жилых помещений отдали содружеству людей искусства. Для них готовили завтраки и обеды. Под началом Рукавишникова проводились литературные вечера, лекции, концерты. В ноябре 1920-го на «Вечере современной поэзии» выступали петербуржцы Н. Гумилёв и М. Кузмин. Здесь провожали в заграничную поездку К. Бальмонта. Получив солидные командировочные, назад он не вернулся; в изрядном подпитии поносил страну, позаботившуюся о нём.

После закрытия Дворца искусств в 1921-м году Иван Сергеевич участвовал в создании Высшего литературно-художественного института. Профессор читал лекции по стиховедению. Злопыхатели же смаковали сплетни о пьянстве Рукавишникова; о его видном общественном положении, которого он якобы достиг, благодаря красавице жене Нине Зусман. В Наркомпросе она заведовала цирками, и от Рукавишникова ушла к циркачу. Его же поддерживали Горький и Луначарский. Сам он о злословии собратьев по перу отзывался просто: «Спокойно ближних зло приемлю». Не могли уразуметь, как купеческий сынок остался без миллионного состояния. Его семья, оскорблённая «Проклятым родом», лишила наследства. Вот и зубоскалили, карикатурили, изображая в лучшем случае пьяненьким да юродивым. А такой разве может что-то путное написать? «Причащаться влагой жгучей» Рукавишников вынужден был из-за болезни. Алексей Максимович Пешков частенько захаживал в купеческую усадьбу и присоветовал подопечному литератору действенное лекарство от туберкулёза – водку. И ей, родимой, Рукавишников лечился: и, путешествуя по разным странам, у индийских целителей, и в европейских санаториях. Приметливая писательская память вобрала в путешествиях по Востоку библейские истории, древнеиндийские и древнеарабские сказания. Этот благодатный материал отразился в книге «Близкое и далёкое». Дух Востока выражен ритмической и орнаментальной прозой.

Мудрости у многоопытного Ивана Сергеевича и своей хватало. М. Кузмин с удовольствием приводит в альманахе «Шиповник» изречения Рукавишникова из «Diarium» («Дневник»), называя её «далеко не скучной книгой»: «Если человек, шедший в горах, сорвался и упал в пропасть, и лежит на дне, то он не упал ниже только потому, что дно случилось там, где оно случилось». Известный афоризм из «Дневника»: «Пушки к бою едут задом».

Остроумие Рукавишникова проявлялось в сатирических стихах («Запись в книге посетителей». «Рассказ о культурном помзамзаве»), в плакатных надписях, как в окнах РОСТа Маяковско-

го («Не чисть машину на ходу!»), в эпиграммах («Сед, но выхолен и розов...»).

Любимый «жанр» Ивана Сергеевича – открыточные поздравления, посвящения (Маяковскому: «Саженный рост, фигура Геркулеса...»). Сотни ярких, с добрым юмором пожеланий... И горькое признание поэта:

Один ли я? Нас много, много.
Но где вы, все мои друзья?

На исходе зима. Он болен. Его знобит, морозит. Одно утешение: по нему, укрытому одеялом, играя, бегают четыре котёнка. Знакомого по санаторию навестила Анастасия Цветаева: он жил в комнате бывшего Дворца искусства. Она заботилась о нём: поила чаем, ставила градусник, давала лекарства. Когда ему полегчало, он стал приходить к ней в гости, познакомил её с братом Митрофаном. Интересный собеседник, Иван Сергеевич живо рассказывал о своём роде, об истории Поволжья, о японских трёхстрочиях, о Маяковском и Есенине. Её же особенно интересовали триолеты... Он сделал Насте (её все звали Ася) предложение, но понял, что дальше дружбы она не пойдёт. В своих воспоминаниях «Неисчерпаемое» Анастасия Ивановна писала: «Я глядела на него теперь, как на утраченную драгоценность». И признавалась, что «он был проще, добрее и чище».

Н.Я. Серпинская, бывавшая во Дворце искусств, по-женски трогательно отозвалась в «Мемуарах интеллигентки» об Иване Сергеевиче: «Любимый всеми за чистую, светлую душу ребёнка, притаившуюся под поэтическим панцирем».

«Поэтический панцирь» Рукавишникова отливал символизмом. Вольность его, бунтарство сказались в творческих исканиях поэта. И этот поиск совпал с поэтическими открытиями Гийома Аполлинера (Аполлинария Костровицкого). Несомненно, Рукавишников был знаком с творчеством известного французского поэта. Близкий друг Аполлинера Блез Сандрар, как и Блок, предчувствовал «явление великого багряного Христа российской революции». Несколько лет странствовал по России, участвовал в революции 1905 года. У Андре Сальмона, друга Аполлинера, самые лучшие воспоминания были связаны с Петербургом. Аполлинер на фронте получил тяжёлое ранение. Поль Элюар в день его кончины 9 ноября 1918 года завершил перевод «Балаганчика» – «маленького шедевра Блока». Помогала ему переводить «поэта революции» Гала Элюар (урожденная Елена Дмитриевна Дьяконова).

Петербургские знакомства с близкими друзьями Аполлинера, постижение его новаторства отразились на создании Рукавишниковым каллиграмм. Увлечённый формальной затеей, сам Аполлинер озаглавил свою новаторскую книгу «Каллиграммы». Часть стихотворений из неё набраны в виде «лирических идеограмм», или каллиграмм. Их тексты образовывали рисунки: дом, косые линии дождя, звезда... Наиболее известна каллиграмма «Зарезанная голубка и фонтан». Эпитафия, плач по погибшему в Первой мировой войне другу: «Зарезаны нежные образы. Фонтан над моими страданьями плачет...». Строки, «рисующие» распростёртую голубку над брызгами фонтана.

У Рукавишникова строки «рисуют» чашу, меч, крест. Каллиграмма «Звезда» изображает шестиконечник, «выложенный» строками, начинающийся с «острия» и: и / кто / придя / в твои / запретныя / где не был до того никто /

Многие обрушились на эти «выверты» Рукавишникова. Критиканский пыл профессор охладил триолетами. «Твёрдая форма» этого стихотворения состоит из восьми строк на две рифмы. Привычная форма триолета – одиночная строфа, строфа – произведение, выражающее сжатую мысль. Триолет возник во Франции в XV веке, в пору расцвета барокко и рококо. Этой формой владел Н.М Карамзин. Необычайную популярность триолет приобрёл среди поэтов Серебряного века К. Фофанова, К. Бальмонта, В. Брюсова, И. Северянина, Ф. Сологуба. Непревзойдённым мастером триолета был признан Иван Рукавишников. Поэт – символист стал автором двух книг триолетов. В институте читал лекции о «твёрдых строфических формах».

В «Литературной энциклопедии» 1925 года помещена его статья на эту тему. Вот программное стихотворение поэта:

Какая сладкая отрава / Легко звенящий триолет!/
Его изящная оправа,/ Какая сладкая отрава /
И вечно детская забава,/ Когда владеет ей поэт./

Мягкой иронией этой «музыки» сметаются все ярлыки о «непоэте» Иване Рукавишникове. Необычайно широк его поэтический кругозор. Превосходны переводы украинских поэтов Б. Лепкого, О. Олеся, С. Чернецкого, И. Франко.

1958 год. Магадан. На сцене родного драмтеатра живая легенда, народный любимец – Вадим Козин. Сын петербургского купца исполняет песню сына нижегородского купца «Цыганка Цора».

«Погадай-ка мне, цыганка, / Чернобровка Цора: /
Я дождусь ли дней счастливых / И дождусь ли скоро?»/
И цыганка по ладони / Мне прочла ответ:/
«Будешь, милый, будешь, милый, / Бедовать семь лет»./
«А? Семь лет? Ну что ж, стерпел бы…/
А потом? Весь век?»/
«А потом… Потом привыкнешь, /Милый человек».

Настолько хорош перевод на русский стихотворения украинского классика Ивана Франко, что автором «Цыганки» значится Иван Рукавишников. Вот так из забытья выводила к народу его имя песня. Широта и новизна тем и идей, жанров, строфики, ритмики, новаторское преобразование канонизированных форм – несомненные достоинства творчества И. С. Рукавишникова. Оно для тех, кто слышит музыку стиха, замирает в его недосказанности, таинственности. Для тех, кто любит русское слово, ценит художественную выразительность, образность.

«Музу возлюбя, ты принял жизнь высокую и злую», – эпитафией, ещё при жизни поэта, прозвучал стих Н. Минаева. Иван Сергеевич умер от туберкулёза 9 апреля 1930 года. 15 мая ему бы исполнилось 52 года.

В писательских кругах к нему относились с симпатией и чтили за рыцарское служение русской литературе. Жизнь и творчество Ивана Сергеевича Рукавишникова достойны всеобъемлющего исследования и описания на уровне книги серии «ЖЗЛ».

Произведения И.С. Рукавишникова

Семя, поклёванное птицами. Повесть, 1896.
Стихотворения. Сборники, 1902–1919.
Diarium. Сб. стихов, 1910.
Проклятый род. Роман, 1912. Переиздание, 1999.
Аркадьевка. Роман, 1914.
Близкое и далёкое. Рассказы, 1914.
Трагические сказки. Сб. пьес, 1915.
Сто лепестков цветка любви. Песни женской души. Сб. стихов, 1916.
Триолеты любви и вечности. Сб. стихов, 1917.
Триолеты. Вторая книга. Сб. стихов, 1922.
Сказ скомороший про Степана Разина. Поэма, 1925.
Собр. соч. в 20-ти томах, 1901–1925.

Нижний Новгород